

Пожелтевшая бумага письма стала тонкой и хрупкой. Линь Ханьчжи держал лист очень осторожно, боясь повредить его, но кончики пальцев всё равно невольно дрожали.

Вдруг вместе с движением руки из письма выскользнул маленький клочок и, покачиваясь, полетел к земле.

Дорожка была вымощена каменными плитами, давно промокшими под дождём. Стоило бумажке упасть на них, и чернила наверняка расплылись бы. Линь Ханьчжи молниеносно подхватил её и машинально опустил взгляд на изображение — после чего застыл, будто поражённый громом.

На маленькой чёрно-белой плотной карточке отчётливо виднелось знакомое юношеское лицо. Очертания щёк и черты лица удивительно сильно напоминали самого Линь Ханьчжи. Любой, взглянув на фотографию, сразу понял бы: человек на снимке непременно состоит с ним в кровном родстве.

Дыхание Линь Ханьчжи под дождём участилось, и он инстинктивно придвинулся к Ци Гу.

Ци Гу одной рукой держал зонт, другой обнял Линь Ханьчжи за талию, опустил взгляд на фото и спокойно сказал:

— На снимке твой отец? Вы с ним и правда очень похожи.

— Наверное, шаманка Ма специально оставила эту фотографию для тебя.

Линь Ханьчжи тихо отозвался:

— Все остальные тоже так говорили.

Во внешности он сочетал лучшие черты обоих родителей: с первого взгляда было понятно, чьим он был сыном, словно на лице стоял встроенный знак подлинности. Само по себе это, конечно, не было чем-то плохим. Вот только в Управлении слишком многие знали его родителей — и слишком многие знали всю эту историю.

Поэтому знакомые его отца и матери, увидев Линь Ханьчжи, неизменно проявляли естественную жалость и скорбь.

И его собственное настроение каждый раз невольно следовало за ними, проваливаясь вниз.

Ци Гу вдруг толкнул его локтем:

— Всё-таки это моя первая официальная встреча с дядей. Может, мне стоит как-нибудь выразить почтение?

Линь Ханьчжи хотел сказать, что души его родных давно рассеялись и, даже если сжечь для них бумажные деньги и подношения, получить их они не смогут. Но слова несколько раз прокрутились на языке и так и не прозвучали.

Он ответил:

— Хорошо.

Они огляделись сквозь ниспадающие нити дождя и заметили неподалёку беседку, где можно было укрыться. Оба одновременно направились туда.

Вскоре Ци Гу отложил чёрный зонт, почтительно поставил фотографию отца Линь Ханьчжи перед алыми перилами беседки и встал рядом с Линь Ханьчжи перед снимком.

В фиолетово-золотом сосуде как раз хранились сложенные бумажные золотые и серебряные слитки и жёлтая ритуальная бумага. Ци Гу достал один комплект, затем второй, а потом продолжил вытаскивать подношения, пока в маленькой шестигранной беседке почти не осталось места под ногами. Только тогда остановился — с той самой неловкостью человека, впервые пришедшего знакомиться с родителями любимого.

Ци Гу посмотрел на Линь Ханьчжи, ожидая, что тот начнёт и представит их друг другу.

Но Линь Ханьчжи, который перед ним обычно был красноречив как никто, открыл рот, снова закрыл и вдруг не смог понять, с чего начинать и каким тоном говорить.

У него слишком давно не было отца.

Когда-то они были самыми близкими кровными родственниками, но почти двадцать лет находились по разные стороны жизни и смерти. Двадцати лет хватило, чтобы некогда близкие отец и сын вдруг не знали, о чём говорить и как начать.

— П... папа... — выдавил Линь Ханьчжи.

После этого первого, почти мучительного обращения остальные слова наконец пошли легче. Он посмотрел на стоящего рядом Ци Гу, крепко сжал его руку и сказал:

— Это Ци Гу. Любимый человек всей моей жизни. Я привёл его поклониться вам и дать вам на него взглянуть. Фотографии мамы сейчас нет под рукой — вы пока передайте ей за нас. Когда мы вернёмся домой, я официально представлю его маме и остальным родным.

— Дядя, у нас всё хорошо. Мы очень любим друг друга. Пока я рядом, можете не волноваться,
— коротко сказал Ци Гу, но в его миндалевидных глазах была твёрдая уверенность.

Закончив, он зажёл на кончике пальца духовное пламя и поджёг лежавшие на земле подношения. Языки огня лизнули фольгу, быстро превращая её в горсть летучего пепла. При этом пламя от начала до конца горело только на подношениях, даже не коснувшись деревянных перил.

Вскоре всё сгорело дотла. На фотографии отец Линь Ханьчжи, ещё подросток, спокойно смотрел перед собой, и в какой-то миг показалось, будто уголки его губ едва заметно приподнялись.

Линь Ханьчжи вернулся к дому шаманки Ма, одолжил веник и совок, тщательно убрал пепел в беседке и вместе с Ци Гу отправился обратно в отель.

По дороге его настроение всё ещё оставалось подавленным. Стоило ему опустить глаза, и острые линии персиковых глаз делали его похожим на одинокого призрака, блуждающего сквозь дождевую завесу.

Ци Гу совсем не нравилось видеть его таким. Он осторожно коснулся кончиками пальцев тыльной стороны ладони Линь Ханьчжи.

Тот пришёл в себя и посмотрел на него:

— Что такое?

Ци Гу развернул ладонь вверх и поднял перед ним.

Линь Ханьчжи на секунду замер, затем положил свою руку сверху, и они переплели пальцы.

Под ледяной пеленой дождя всё вокруг казалось холодным. Лёгкий ветер проталкивал мелкие капли сквозь заслон зонта, они падали на лицо, и кожа стыла.

Раньше Линь Ханьчжи очень долго шёл по жизни один — вот так же, сам по себе, — и никогда не считал, что ему холодно.

Но теперь его ладонь плотно соприкасалась с ладонью Ци Гу, от которого непрерывно исходило тепло, и лишь сейчас Линь Ханьчжи вдруг понял: оказывается, всё это время он мёрз.

Только в этот момент он почувствовал тепло.

Он машинально хотел сжать руку сильнее, но Ци Гу опередил его и первым усилил хватку.

Сердце Линь Ханьчжи мгновенно забилось быстрее, разгоняя кровь по всему телу, будто окрашивая его целиком температурой Ци Гу. Линь Ханьчжи тоже крепче переплёл пальцы — и почувствовал это тепло ещё яснее.

Он спросил:

— Кажется, неподалёку есть улица с закусочными. Хочешь прогуляться?

Ци Гу впервые в жизни отказался от еды:

— Сейчас я больше хочу побыть с тобой вдвоём.

Он чувствовал, как письмо и фотография повлияли на Линь Ханьчжи и как тот снова погрузился в уныние. Предложение пойти на улицу с едой наверняка прозвучало лишь потому, что Линь Ханьчжи боялся, что Ци Гу станет скучно. Но сейчас Ци Гу хотел только одного — чтобы тому стало хотя бы немного легче.

Как раз в этот момент навстречу им из серой дождевой дымки вышла молодая пара. Девушка обнимала парня за талию и клала голову ему на плечо; парень одной рукой держал зонт, другой обнимал девушку. Они прижимались друг к другу настолько приторно, будто были двумя кусочками клейкого рисового пирожного, которые продавались исключительно в связке и могли сохранить целостность только вплотную друг к другу.

До этого Линь Ханьчжи тоже обнимал Ци Гу за талию, но не настолько липко и интимно.

Ци Гу моргнул, слегка пошевелил пальцами. Линь Ханьчжи опустил на него взгляд:

— Мм?

Ци Гу наклонился к его уху. Ему было немного неловко прямо признаваться, что он хочет повторить за той парочкой, поэтому он очень тихо сказал:

— Давай тоже так... Наверное, будет теплее.

Они изменили позу почти мгновенно — потому что оба не могли дождаться.

Так на затянутой дождевой дымкой улице родилась ещё одна парочка, от липкости которой окружающим оставалось только погибать на месте.

Они прижимались друг к другу, словно сиамские близнецы, и походили на два клейких рисовых пирожных с коричневым сахаром.

*

Вернувшись в провинцию Z, они почти всё время были вместе и уже вдвоём побывали в родовом поминальном зале семьи Линь, официально представившись всем старшим.

А вскоре наступил день свадьбы, указанный в приглашении, которое ранее привозил Фан Юаньван. Приглашения, конечно, получили и Му Синчэнь, Мяо Юэ, Пубу Гэсан и остальные. Даже ласке-оборотню досталось одно.

Правда, ласка была слишком занята расширением своей империи жареной курицы и ради бизнеса пожертвовала свадебным банкетом, отказавшись от приглашения.

Ночь. Поток машин, яркие огни.

Компания сидела в микроавтобусе по дороге к семье Фан.

Первым заговорил Му Синчэнь:

— Да сколько времени-то прошло? А учитель Фан уже нашёл жену. Значит, действительно очень понравилась, раз они так быстро решили пожениться и остепениться.

Пубу Гэсан сказал:

— Наверное, еду с банкета можно будет взять с собой... Интересно, мне дадут несколько лишних пакетиков свадебных конфет?

Он как раз был в том возрасте, когда особенно любил сладкое.

Мяо Юэ размышляла о своём:

— Место для свадьбы наверняка очень красивое. Фотографии должны получиться отличные. Интересно, сколько стоит аренда?

Трое говорили каждый о своём — и при этом каким-то чудом разговор вовсе не затихал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949234>